

Как только императорский указ был доставлен, Хан Сиэнь тут же отправился во дворец. Будучи человеком дотошным и педантичным, он вознамерился лично выяснить у государя, кому из двух императорских инспекторов — ему или пятому принцу, Цзи Хуаю, — суждено быть главным императорским инспектором, а кому лишь помощником императорского инспектора. Его также живо интересовало, сохраняются ли за членом императорской семьи особые привилегии в случае непредвиденных обстоятельств.

Выслушав эту лавину вопросов, император ощутил смутное дежавю, словно нечто подобное он уже слышал много лет назад. Заметив замешательство на лице владыки, евнух Юань Бао бесшумно приблизился и едва слышно шепнул ему на ухо:

— Наводнение в Цзяннани.

В памяти правителя мгновенно вспыхнули воспоминания. Ну конечно! Тогда, во время цзяннаньского бедствия, Хан Сиэнь отправлялся в путь вместе с Цзи Ло. Тот же самый союз — упрямый юноша и императорский сын. И Хан Сиэнь проявил в тот раз точно такую же непреклонную дотошность.

Однако при воспоминании о сундуках с серебром, которые эта поездка помогла вернуть в казну из Цзяннани, всякое недовольство императора улетучилось.

— Ладно, ладно, каков упрямец, — беззлобно усмехнулся государь. — Я понял, к чему ты клонишь. В этой поездке в Сицзян Главным императорским инспектором останешься ты. Пятый принц поедет твоим помощником императорского инспектора. При возникновении важных вопросов последнее слово будет за тобой. Доволен? Из-за такой безделицы стоило мчаться во дворец, едва высохли чернила на указе?

Уголки губ Хан Сиэня едва заметно приподнялись.

— Преданный слуга благодарит Ваше Величество. Я лишь хочу упредить любые разногласия. Кому нужно, чтобы в дороге мы с пятым принцем начали мериться властью? Если между нами вспыхнет раздор, это не только подорвет доверие защитников границы, но и бросит тень на имя Вашего Величества.

Государь лишь обреченно покачал головой:

— Твоя правда. Однако помни: Сицзян — не чета благодатной Цзяннани. Там пограничье, край суровый и беспокойный. Жизнь и безопасность Цзи Хуая я вверяю тебе.

Хан Сиэнь склонил голову в знак согласия. Император собирался добавить что-то еще, но стоило ему приоткрыть рот, как грудь его сотряс глухой, надрывный кашель. С каждым приступом лицо правителя бледнело, а дыхание становилось все тяжелее — за последние три года его здоровье стремительно ухудшалось.

Лекарь Чжоу не раз повторял, что всему виной чрезмерные заботы и тревоги, снедающие душу государя, и советовал ему почаще предаваться покою.

Император и сам соглашался с лекарем, да только толку от этого знания было мало. По ночам его по-прежнему изводила бессонница, а в голову лезли мрачные, путанные думы.

Когда приступ утих, император, убедившись, что у Хан Сиэня больше нет вопросов, тяжело вздохнул:

— Сицзян — край суровый, холодный и бесприютный. Там нет ни столичного блеска, ни цзяннаньской роскоши. Твое здоровье и без того хрупко, ты держишься лишь на женьшене да оленьих пантах. Оказавшись на западе, береги себя пуще прежнего.

В глазах Хан Сиэня промелькнула едва уловимая тень.

— Моя благодарность Вашему Величеству безгранична, — с почтением произнес он. — Я сделаю все, чтобы оправдать оказанное мне доверие.

Государь слабо кивнул:

— Ступай, готовься к дороге. Выезжаете через несколько дней.

Вновь поклонившись, Хан Сиэнь покинул императорские покои.

Хан Сиэнь шел по дворцовому коридору, и на его лице не осталось и следа недавней признательности.

"Какое лицемерие... Если бы этот старик действительно беспокоился о моем здоровье, разве послал бы он едва оправившегося калеку в Сицзян, в этот холодный и дикий край?"

Конечно, у него оставалась возможность отказаться от этого поручения. Но стоило ему вспомнить, сколько редчайшего женьшеня он извел за последние три года, как в голове созрело иное решение. Пришло время лично наведаться в Сицзян и узнать, чем он может помочь братьям Бай.

Вернувшись в поместье герцога Хань, Хан Сиэнь собрал своих служанок. За все прошедшие годы подле него неизменно оставались лишь четыре девушки: Би Хуа, Чэнь Сян, Юнь Чжи и Ло Ся. Но год назад Би Хуа, лишившись бывшего положения и растеряв остатки гордости, сумела скопить немного серебра и выкупить себя. Хан Сиэнь не стал чинить ей препятствий и без лишних слов вернул ей вольную.

Оставшиеся три девушки уже вошли в пору замужества, однако ни одна из них не торопилась под венец. Впрочем, пока они оставались в услужении у наследника, никто в поместье не осмеливался посягать на их судьбы. Из этой троицы лишь Чэнь Сян не принадлежала Хан Сиэню безраздельно — некогда присланная из покоев старой госпожи Хань, она оставалась крепостной служанкой самого герцогского дома.

Чэнь Сян отличалась редким умом. За годы службы она делом доказала свою преданность молодому господину, хотя на людях искусно притворялась, будто обделена его милостью. Соблюдая тонкую грань, она время от времени подбрасывала госпоже Лю незначительные, пустяковые слухи, тем самым отводя от себя подозрения. Благодаря этому и связям ее семьи, жившей в поместье поколениями, она чувствовала себя в поместье герцога Хань вполне вольготно.

Что до Ло Ся и Юнь Чжи, то на них лежал неизгладимый отпечаток верных слуг из дворика Душистых Орхидей. Нынешняя поездка в Сицзян разительно отличалась от цзяннаньской прогулки — брать с собой женщин в суровый военный поход было безумием.

Оставить их здесь без присмотра означало обречь на мечь недоброжелателей. Осознавая нависшую над ними угрозу, Хан Сиэнь принял решение вернуть обеим девушкам их вольные. Вместе с ними свободу получил и Ань Цао.

Столь желанная свобода принесла Юнь Чжи и Ло Ся не только радость, но и тревогу. В отличие от спесивых служанок из других дворов, мечтавших втайне стать наложницами господ, эти двое никогда не питали пустых иллюзий. Вольная означала, что теперь они сами в ответе за свои жизни. Пусть впереди их ждала скромная, а порой и бедная жизнь, зато их дети рождались бы свободными людьми. И все же страх перед местью оставшихся в поместье врагов Хан Сиэня не давал им покоя.

Понимая их опасения, Хан Сиэнь произнес:

— Перед отъездом я открыто объявлю, что отпустил вас на волю. Если вам страшно оставаться без покровительства, вы можете временно поступить на службу в поместье наследного принца или к моей сестре, Минчжу. Связывать себя новыми обязательствами не придется — пойдете наемными работницами. Когда все утихнет, былой страх рассеется сам собой.

Девушки просияли от счастья. Под таким надежным прикрытием никто в столице не осмелился бы тронуть их пальцем.

Стоявшая поодаль Чэнь Сян невольно ощутила укол зависти, хотя быстро совладала с чувствами. Ее судьба была неразрывно связана с поместьем: здесь жили ее родители, братья и сестры, да и вольная ее находилась у старой госпожи. И все же смотреть на свободных подруг без легкой грусти она не могла. Утешало лишь то, что за годы преданной службы она успела хорошо изучить характер молодого господина. Чэнь Сян верила: случись беда, Хан Сиэнь не откажет ей в заступничестве.

Впрочем, сам Хан Сиэнь не предавался долгим размышлениям о чужих надеждах. Чэнь Сян трудилась на совесть, и если однажды ей действительно понадобится его помощь, он безусловно протянет руку.

Единственным, кого огорчил этот щедрый жест, оказался Ань Цао. Свобода манила его меньше, чем возможность делом доказать свою полезность. Юноша жаждал отправиться вслед за господином на границу, интуитивно чувствуя: этот поход — его единственный шанс вырваться из нищеты и изменить предначертанную судьбу.

Упав на колени, Ань Цао взмолился забрать вольную назад и без утайки поведал о своих устремлениях. Хан Сиэня не рассердила эта дерзость. В конце концов, желание возвыситься вполне естественно для человека, и глупо винить того, кто пытается ухватиться за подвернувшуюся возможность.

Вольную Хан Сиэнь забирать не стал, но сопровождать себя позволил, предупредив напоследок:

— На границе льется кровь, а у вражеских клинков нет жалости. Сумеешь ли ты вернуться в столицу живым — зависит лишь от твоей собственной хватки и везения.

Ань Цао преклонил колени в глубокой благодарности.

Разобравшись с делами во дворике, Хан Сиэнь почувствовал навалившуюся усталость и вскоре погрузился в глубокий, безмятежный сон.

И пока Хан Сиэнь отдыхал, в поместье пятого принца, Цзи Хуая, царила гнетущая атмосфера. Сам хозяин дома мерил шагами кабинет, и лицо его было темнее тучи.

Хан Цинсюэ как раз вернулась из императорского дворца. Все эти годы она усердно навещала томившуюся под замком добродетельную наложницу Хань Юнь. И пусть саму свекровь ей видеть не дозволялось, долг невестки обязывал ее неустанно выказывать почтение от имени супруга.

Заметив вошедшую жену, Цзи Хуай поспешно нацепил маску спокойствия и мягко спросил:

— Ну как? Удалось узнать что-нибудь о матушке?

— Свидания мне по-прежнему не дают, — со вздохом ответила Хан Цинсюэ. — Но я щедро одарила стражников серебром. Будем надеяться, они позаботятся, чтобы еда на столе матушки была сносной.

Принц кивнул и, сжав пальцы супруги, негромко произнес:

— Спасибо тебе за заботу. Твои труды неоценимы.

Хан Цинсюэ кротко улыбнулась, стараясь сохранить благородное величие. Однако мысли о скором отъезде мужа, пустоте в ее чреве, бесплодном вот уже три года, и долгой разлуке уязвили ее сердце. Глаза женщины предательски заблестели от набежавших слез.

Глядя на расстроенную супругу, Цзи Хуай мысленно вздохнул. Он ласково погладил ее по руке, выказывая молчаливое сочувствие, но утешать словами не стал.

После того как Хань Юнь лишилась свободы, Цзи Хуай долго пытался разгадать тайну ее падения. Пусть истина оставалась сокрытой, в одном он не сомневался: Хан Сиэнь приложил к этому руку. Иначе с чего бы отцу-императору столь щедро осыпать этого юнца своей милостью?

А если вспомнить, как легко и гладко складывались дела у третьего принца, Цзи Ло... Связь между ним и наследником маркиза крепла в мыслях Цзи Хуая с каждым днем, хоть у него до сих пор и не было прямых улик.

Но тем лучше. Совместная поездка в Сицзян предоставит идеальную возможность уличить Хан Сиэня в сговоре с Цзи Ло. Уж этот шанс он точно не упустит.

Известие о том, что старший брат отправляется в опасный пограничный край, повергло Хан Минчжу в глубокое смятение. Она немедленно засобиралась в герцогское поместье, но внезапно почувствовала столь сильное головокружение, что едва удержалась на ногах. Встревоженный Цзи Юэ тут же приказал послать за лекарем.

Тщательно прощупав пульс молодой госпожи, лекарь расплылся в улыбке и поспешил поздравить супругов с благой вестью.

Хан Минчжу и Цзи Юэ жили в браке уже долгое время. Первый год они соблюдали строгий траур, исключавший мысли о продолжении рода, но и в последующие годы лоно молодой супруги оставалось бесплодным. Старый уездный князь Юн и его супруга уже начали тайно сокрушаться, гадая, не бесплодна ли невестка. К счастью, заступничество Хан Сиэня, который, даже безвылазно сидя в своем дворике, регулярно присылал сестре редчайшие снадобья, заставляло старших сдерживать недовольство. Да и сам Цзи Юэ души не чаял в жене и бдительно оберегал ее покой от злых столичных языков.

Счастливая новость внесла свои коррективы: теперь о дальней поездке в поместье герцога Хань беременной Минчжу не могло быть и речи. Вместо нее к Хан Сиэню поспешил сам Цзи

Юэ, желая лично поделиться неожиданной радостью и передать слова беспокойства от сестры.

Выслушав шурина, Хан Сиэнь велел Ань Цао принести из кладовой корень дикого женьшеня толщиной с детскую руку и, вручив этот бесценный дар ошеломленному будущему отцу, лаконично выпроводил его восвояси.

Выйдя за ворота поместья с роскошным корнем в руках, Цзи Юэ лишь покачал головой, не зная, радоваться такому приему или сокрушаться о суровом нраве родственника.

Старая госпожа Ван тоже не оставалась в стороне и прислала племяннику целый сундук целебных мазей и порошков. Приготовленные по тайным рецептам маркиза Цзинго, они славились способностью быстро затягивать даже самые тяжелые раны, полученные в бою. От этих даров Хан Сиэнь отказываться не стал.

Со времени того памятного скандала, когда старая госпожа Ван едва не разнесла герцогское поместье из-за ранения внука, Хан Сиэнь ни разу не навестил родню по материнской линии. Кое-кто в доме Ван вовсю поносил его за неблагодарность и гордыню, но мудрая старуха не обращала внимания на сплетни и продолжала слать ему подарки. Хан Сиэнь принимал их сдержанно, отсылая назад лишь чрезмерно роскошные подношения.

В день отъезда у ворот столицы, возле беседки Прощания, собралась толпа сановников во главе с наследным принцем Цзи Ло. После оглашения высочайшего указа тот ни разу не навестил Хан Сиэня с глазу на глаз. Лишь немногие знали, что принц тайно умолял отца отменить это назначение, указывая на слабость и хрупкость Хан Сиэня, здоровье которого едва-едва укрепилось. Но эта мольба лишь навлекла на Цзи Ло яростный гнев государя, разразившегося гневной бранью.

И вот теперь, глядя на скрытое серебряной маской лицо Хан Сиэня, Цзи Ло чувствовал, как к горлу подступает ком невысказанных слов. Но под прицелом сотен глаз он смог выдать лишь негромкое:

— Береги себя.

Хан Сиэнь небрежно кивнул в ответ и скрылся за занавесками паланкина. Пятый принц, презиравший подобные изнеженные экипажи, демонстративно взлетел в седло своего скакуна.

Императорские инспекторы не вели за собой войско, а потому могли позволить себе двигаться без лишней спешки. Тем не менее отряд их был весьма внушительным, из-за чего продвижение замедлялось, вынуждая путников часто останавливаться на постоянных дворах, а порой и ночевать под открытым небом.

Стоило им миновать столичный округ, как ровный тракт сменился ухабистой дорогой. Тряска в паланкине изматывала Хан Сиэня, отзываясь тупой болью в слабом теле.

Глубокой ночью, когда лагерь погружался в сон, Хан Сиэнь безучастно смотрел на темный полог палатки.

"Каково же было братьям Бай? Израненные, едва выжившие после жестокой порки, они тряслись в дряхлой повозке по этой самой дороге... Люди поговаривали, будто след от их крови тянулся от столичных ворот до самого Сицзяна"

Вздохнув, он закрыл глаза.

К счастью, погода стояла ясная, и до самых окраин Сицзяна они добрались без происшествий. Когда впереди показались грозные очертания заставы Тигриного Рыка, предваряющей заставу Небесных Врат, Хан Сиэнь выслал вперед гонца. Тот полетел во весь опор, чтобы предупредить пограничный гарнизон о скором прибытии императорских инспекторов.

Обрадует ли местных военачальников эта весть или же вызовет у них глухое раздражение — Хан Сиэня волновало меньше всего.

Весть о приближении наследника герцога Хань и пятого принца разнеслась по заставе Небесных Врат со скоростью степного пожара. Получив донесение, главнокомандующий гарнизона, великий генерал Лю Хучэн, немедленно вызвал к себе находившегося в дозоре Бая Вэньхэня.

<http://bllate.org/book/20088/2002073>